

Н. С. Прокурова

**«ГОРЯЧЕЕ РУССКОЕ СЕРДЦЕ»
(К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. П. ЧЕХОВА)**

В статье рассматриваются основные этапы жизни великого русского писателя Антона Павловича Чехова, исследуется проблема отражения российской правовой действительности в творчестве писателя.

Ключевые слова: преступление и наказание, правовая российская действительность.

N. S. Prokurova

«ARDENT RUSSIAN HEART» (FOR THE 150TH ANNIVERSARY OF A. P. CHEKHOV)

In the article the main stages of the life of Anton Pavlovich Chekhov, the prominent Russian writer, are considered. The problem of reflection of Russian legal reality in the author's works is researched.

Keywords: crime and punishment, Russian legal reality.

30 января 2010 г. исполняется 150 лет со дня рождения замечательного русского писателя Антона Павловича Чехова. Родился Чехов в городе Таганроге на северо-восточном побережье Азовского моря, в городе, который был основан Петром I в 1698 г. как южная военно-морская база России и который превратился в конце XVIII в. в крупнейший на юге страны торговый порт.

В гавани Таганрога реяли флаги Испании, Греции, Англии, Турции и других государств. Шестнадцать иностранных держав имели в Таганроге торговые консульства. Здесь и до настоящего времени сохранились Греческая улица, итальянский переулок. В Таганроге в свое время побывали известный мореплаватель В. Беринг, полководец А. В. Суворов, адмиралы флота Ф. Ф. Ушаков и Д. Н. Сенявин, композитор П. И. Чайковский, лейтенант П. П. Шмидт, поднявший восстание на черноморском флоте. В июне 1820 г. Таганрог посетил А. С. Пушкин, в 1833 г. — молодой капитан Джузеппе Гарибальди, будущий народный герой Италии.

Отцы города заботились о духовной культуре горожан, их образовании. В городе была построена гимназия, где преподавание велось на очень высоком уровне. Так, математику и

физику у Антона Чехова преподавал Эдмунд Иосифович Держинский (отец Ф. Э. Держинского), опытный педагог и одаренный математик.

В актовом зале гимназии регулярно проводились музыкально-литературные вечера, подготовленные актерами таганрогского театра и гимназистами старших классов, среди которых был и Антон Чехов. В Таганроге действовал и драматический театр, построенный в 1866 г. по проекту итальянского архитектора Ландерона. Здесь по целым сезонам гастролировала итальянская опера, которой были увлечены все жители города и вместе с ними — гимназист Антон Чехов. Здесь же, в театре, смотрел он бессмертные пьесы Шекспира, Гоголя, Островского и Мольера. Все это, бесспорно, оставило свой след в душе впечатлительного юноши и повлияло на формирование богатой духовной культуры Чехова — писателя и человека.

В апреле 1876 г. отец Чехова, Павел Егорович Чехов, взял кредит на строительство дома, но его постигла неудача. Не сумев своевременно оплатить по векселю, он оказался на краю долговой ямы и бежал из Таганрога в Москву. Вскоре к нему отправилась мать с

младшими детьми: Марией и Михаилом (старшие — Александр и Николай уехали в Москву еще в 1875 г.).

В Таганроге остались Антон и Иван, которые должны были сами добывать средства к существованию: Антон — грошовыми уроками, Иван — переплетной работой. Впрочем, вскоре, в 1877 г. Иван оставляет гимназию и тоже уезжает в Москву. Но только в 1879 г., после окончания гимназии и получения аттестата зрелости, едет в Москву Антон и поступает на медицинский факультет Московского университета. Обучаясь в университете, Чехов интересовался многими областями знания: психиатрией, правом, вопросами судопроизводства и тюремоведения; очень внимательно он прослушал курс лекций по судебной медицине.

В сентябре 1884 г. Советом Московского университета Антон Павлович был утвержден в звании уездного врача, в обязанности которого входили судебно-медицинские исследования. А уже с лета 1884 г. и по лето 1887 г. во время своего пребывания у брата Ивана в городе Воскресенске (ныне г. Истра) Антон Павлович Чехов работает в Чикинской земской больнице, которой заведует П. А. Архангельский, и одновременно по просьбе своего товарища, врача С. Н. Успенского, во время его отпуска заведует земской больницей в г. Звенигороде (под Воскресенском).

Антон Павлович выезжает на вызовы, принимает больных в амбулатории, участвует в судебно-медицинских вскрытиях, присутствует на заседаниях суда в качестве эксперта. Сохранился «Протокол судебно-медицинского вскрытия № 99 трупа тридцатилетнего крестьянина Е. Ефимова, составленный согласно всем процессуальным требованиям студентом А. Чеховым. Молодой эксперт, исследовав тело, установил, что смерть Ефимова наступила от повешения в состоянии опьянения» [1].

Уже позже доводилось Антону Павловичу участвовать в суде присяжных. «В Серпухове я был присяжным заседателем, — писал он А. С. Суворину 27 ноября 1894 года. — Помещики-дворяне, фабриканты и серпуховские купцы — вот состав присяжных. По странной

случайности я попадал во все без исключения дела, так что в конце концов эта случайность стала даже возбуждать смех. Во всех делах я был старшиной» [2].

Таким образом, жизненные обстоятельства в полной мере способствовали тому, чтобы в произведениях А. П. Чехова нашла отражение российская правовая действительность второй половины XIX столетия.

Рассказ «Вор» (1883) впервые появился в журнале «Осколки» за подписью «Антоша Чехонте» (один из литературных псевдонимов А. П. Чехова — Н. П.). Позже с небольшими сокращениями рассказ был включен в первое издание сборника «Пестрые рассказы».

События в рассказе даны через восприятие героя, ссыльного Федора Степаныча, который пришел в ссылку за кражу и который в преддверии праздника Пасхи предается теперь грустным воспоминаниям о прошлой жизни, о жизни, по его выражению, «там», дома, где «...не грязный снег, не холодные лужи, а молодая зелень; там ветер не бьет по лицу, как мокрая тряпка, а несет дыхание весны...» [3]. Исследователь творчества Чехова Г. П. Бердников говорит по поводу этого произведения следующее: «В рассказе «Вор» речь идет о человеке, который провинился, был осужден и теперь находится в ссылке. Приходится здесь ему трудно. А в это время другой ссыльный, которого тоже осудили за воровство, процветает. Почему? Потому что больше украл и сейчас не считает денег. Казалось бы, привычная для сатирических миниатюр Чехова ситуация. Однако вместо того, чтобы посмеяться над незадачливым хапугой и его злоключениями, автор окутывает его сочувственной лирической дымкой» [4]. И далее: «Драматическая разработка традиционной для Чехова комической ситуации лишила его художественной цельности, и он получился, что называется ни то ни се, получился этаким кисло-сладким» [4].

Однако здесь очень трудно согласиться с Г. П. Бердниковым, ибо сам Чехов вряд ли считал ситуацию, описываемую в рассказе, комической, а героя, ссыльнокаторжного Федора Степаныча, «хапугой». Скорее всего «хапуга» —

это Барабаев, который «больше украл», и теперь в ссылке живет безбедно и весело: «каждый день обедает и чай пьет» у местного доктора и даже выписал к себе за две тысячи рублей Олю, любимую женщину Федора Степаныча, толкнувшую его на путь преступления. Теперь герой рассказывает в содеянном, казнит себя за неразумное поведение: «Не будь Оли, не был бы он здесь. Она подкузьмила его, глупца. Ей нужны были деньги, нужны ужасно, до болезни, как и всякой моднице! Без денег она не могла ни жить, ни любить, ни страдать... Он украл, попался и пошел в эту Сибирь...» [2, с. 108].

Именно о подобных мотивах преступного поведения писал австрийский доктор юриспруденции Ганс Гросс в своем «Руководстве для судебных следователей»: «Часто может оказывать С. С. важные услуги старинная поговорка: *«cherchez la femme»*. Она звучит довольно романически, но каждый опытный практик может подтвердить, что в ней заключается много правды. <...>

Начиная с самых незначительных проступков, когда, например, работник похищает у своего хозяина овес, для того чтобы сшить своей возлюбленной пару башмаков, или когда лесной сторож станет заниматься недозволенной охотой, чтобы пощеголять перед любовницей в новом платье, и кончая самыми важными политическими делами, когда, например, оскорбленная красавица составляет заговор для достижения своих, опасных для государства, планов, — везде мы найдем женщину. Имущественные преступления совершаются нередко для того, чтобы приобрести средства для вступления в брак с невестой, или с целью промотать похищенное в обществе проституток. <...> Все бесчисленные преступления, совершенные вследствие неудачной любви, происходили по вине женщин, и сколько сделалось преступниками благодаря им!» [5].

Несомненно, сам Антон Павлович понимает трагизм ситуации, в которой оказался его герой. И можно с уверенностью говорить о том, что писатель с симпатией и сочувствием изображает своего героя. Вот Федор Степаныч, движимый

светлыми христианскими чувствами, спешит в церковь к заутрене, вот с тоской думает о том, что это «первая Пасха здесь ... и ... не последняя», вспоминает свою неудачную любовь: Оля клялась идти за ним на край света, а теперь мирно спит в теплой комнате, и «ее глупая головка утопает в мягкой кружевной подушке».

«На суд разодетой явилась и ни разу не взглянула даже... Смеялась, когда защитник острил... Убить мало...» — с горечью вспоминает герой. «И эти воспоминания сильно утомили Федора Степаныча, — пишет автор. — Он утомился, заболел, точно всем телом думал. Ноги его ослабели, подогнулись, и не хватало сил идти в церковь, к родной заутрене... Он воротился домой и, не снимая шубы и сапог, повалился на постель» [2, с. 109]. В состоянии сильного душевного волнения Федор Степаныч убивает ни в чем не повинную хозяйскую птицу и оказывается на улице. Пейзаж («серое, пасмурное» утро, «свинцовое небо», моросящий дождь) оттеняет тяжелое, безрадостное настроение героя. Довершает удар встреча с Ольгой, приехавшей к Барабаеву.

Рассказ заканчивается на трагической ноте. Читаем здесь: «До самого вечера шатался ссыльный по городу и искал квартиры. Дождь лил весь день, и не показывалось солнце» [2, с. 110]. В измученной, ожесточившейся душе несчастного преступника зреет протест против сытых, довольных, способных красть и при этом чувствовать себя счастливыми. «Неужели эти звери могут жить без солнца? — думал он, меся ногами жидкий снег. — Веселы, довольны без солнца! Впрочем, у них свой вкус» [2, с. 110].

О сочувственном отношении к герою рассказа Федору Степанычу свидетельствует и письмо Антона Павловича редактору журнала «Осколки» Н. А. Лейкину (апрель, 1883): «Вы а priori замечаете, что мои «Верба» и «Вор» несколько серьезны для «Осколков» <...>

Мне думается, что серьезная вещичка, маленькая, строк примерно в 100, не будет сильно резать глаз, тем более, что в заголовке «Осколков» нет слов «юмористический и сатирический», нет рамок в пользу безусловного юмора. Вещичка (не моя, а вообще) легенькая, в

духе журнала, содержащая в себе фабулу и подобающий протест, насколько я успел подметить, читается охотно, сиречь не делает суши. <...> Легкое и маленькое, как бы оно ни было серьезно (я не говорю про математику и кавказский транзит), не отрицает легкого чтения... Упаси боже от суши, а теплое слово, сказанное на Пасху вору, который в то же время и ссыльный, не зарежет номера» (П., 1, 67). Таким образом, рассказ «Вор» появился в печати.

Рассказ А. П. Чехова «Шведская спичка» (1884) повествует о том, как помощник следователя Дюковский, имея всего лишь одно вещественное доказательство — шведскую спичку, достигает конечной цели следствия: находит пропавшего помещика Кляузова. К счастью, находит не труп, а его самого, живого и невредимого, спрятанного в бане любовницей, молодой женой станового Ольгой Петровной.

Дюковский молод, горяч. Он выстраивает различные фантастические версии пропажи помещика, но тщательность, с которой он производит осмотр места происшествия, умение логически мыслить говорят о его хорошей профессиональной подготовке. В связи с неожиданной концовкой повествование приобретает комический оттенок, а сам автор называет свое произведение «комическим детективом».

Рассказ «Злоумышленник» (1885), наоборот, наглядно свидетельствует о том, каким не должен быть следователь. Герой рассказа — судебный следователь — не обладает здесь ни гибкостью ума, ни профессиональным чутьем, а о психологии вообще не имеет никакого понятия. Ибо в противном случае при первом взгляде на обвиняемого он понял бы, что так называемый «злоумышленник» — просто «темный», необразованный мужик, не осознающий опасных последствий своего неразумного деяния — откручивания гаек на железной дороге. «Дубинноголовый» следователь же подозревает мужика в злом умысле и угрожает ему тысяча восемьдесят первой статьёй Уложения о наказаниях, которая гласит: «...За всякое с умыслом учиненное повреждение железной дороги, когда оно может

подвергнуть опасности следующий по сей дороге транспорт... виновный...приговаривается к ссылке в каторжные работы» [4, с. 86]. Но при этом следователь даже не дает себе труда растолковать обвиняемому Денису Григорьеву, в чем же тот обвиняется. Все это характеризует следователя как в профессиональном, так и в личностном плане с самой отрицательной стороны.

Исследователь Г. П. Бердников правомерно считает, что прототипом Дениса Григорьева стал крестьянин Никита Пантюхин, «отменный рыболов», с которым Антон Павлович познакомился «под Москвой в селе Краскове, близ Малаховки», бывая в гостях у писателя В. А. Гиляровского. Никита отвинчивал гайки «на полотне проходящей рядом Казанской железной дороги», а Антон Павлович тщетно пытался объяснить ему, что этого делать нельзя, так как может произойти крушение. Никита же был уверен в том, «что отвинчивает со знанием дела и вреда никакого причинить не может» [4].

В письме от 28 февраля 1895 г. к писательнице Е. М. Шавровой — Юст Чехов, проанализировав присланный ею рассказ (который так и не был опубликован) и указав на ряд недочетов, замечал: «Важнее, по-моему, то, что Вам не удалось справиться с формальной стороной. Чтобы решать вопросы, например, о вырождении, психозах и т. п., надо быть знакомым с ними научно. Значение болезни (назовем ее из скромности латинской буквой S) Вами преувеличено... Лично для себя я держусь такого правила: изображаю больных лишь постольку, поскольку они являются характерами или постольку они картинны. Болезнями же я боюсь запугивать...» [3, т. 6, с. 29—30].

И здесь Антон Павлович верен себе: он действительно чрезвычайно деликатен по отношению к читателю. «Его писательское кредо — «автор должен быть гуманен до кончика ногтей» [3, т. 6, с. 30] — реализуется уже в ранних его произведениях.

Так, в основу рассказа «Мертвое тело» (1885) положен реальный жизненный факт — выезд Чехова в качестве судебно-медицинского эксперта на вскрытие, «бывшее в 10 верстах от Воскресенска», о котором Антон Павлович

сообщает Н. А. Лейкину в письме от 27 июня 1884 г.: «Вскрывал я вместе с уездным врачом на поле, под зеленью молодого дуба, на проселочной дороге... Покойник «не тутошний», и мужики, на земле которых было найдено тело, Христом богом, со слезами молили нас, чтоб мы не вскрывали в их деревне... «Бабы и ребята спать от страху не будут...»

... Стеречь труп днем и ночью до прибытия начальства — мужицкая, никем не оплачиваемая повинность... Труп в красной рубахе, новых портах, прикрыт простыней... На простыне полотенце с образом...

Вскрытие дает в результате перелом 20 ребер, отек легкого и спиртной запах желудка. Смерть насильственная, происшедшая от задушения. Пьяного давили в грудь чем-то тяжелым, вероятно, хорошим мужицким коленом. На теле множество ссадин, происшедших от откачивания. Манехинские нашли тело и качали его 2 часа так усердно, что будущий защитник убийцы будет иметь право задать эксперту вопрос: поломка ребер не была ли следствием откачивания?» [3, т. 1, с. 116—117].

Создавая рассказ «Мертвое тело», Антон Павлович, вероятно, для того чтобы «не запугивать» читателя, все детали произведенного действия над убитым фабричным оставляет за пределами авторского внимания. Только лишь изредка целомудренно указывая на объект, которому рассказ обязан своим названием («Тут, под молодым дубом, лежит мертвое тело, покрытое с головы до ног новый белой холстиной. На груди большой деревянный образок» [4, с. 126]; «странник видит белую холстину с образом» [4, с. 128]; «Костер начинает тухнуть, и на мертвое тело ложится большая черная тень...» [4, с. 130], автор сосредоточивает свое внимание на трех героях — двух деревенских мужиках, охраняющих тело, и страннике «в короткой монашеской ряске» и «с котомкой за плечами», их поведении, речи. Писатель исследует состояние души своих героев, их настроение при исполнении «одной из самых тяжелых и неприглядных крестьянских повинностей». Используя диалог как средство раскрытия характера, автор показывает нам

бедность духовного мира героев — представителей простого народа, и особенно Семы — «козлиной бородки», которого его напарник бранит за глупость и именует то «чудным», то «дурачком». Речь странника изобилует церковнославянизмами («И выигрался дух мой... Иди, говорю себе, раб Феодосий, и прими венец мученический!» [4, с. 128] и выдает в нем человека в какой-то мере образованного, но он так же, как и его собеседники, подвержен суевериям («Не боюсь ни волков, ни татей, ни тьмы, а покойников боюсь» [4, с. 129].

Таким образом, взяв за основу рассказа конкретный жизненный эпизод, автор уходит от излишней детализации событий, ненужных описаний, а сам факт в рассказе служит решению художественной задачи — помогает раскрыть характеры героев, воссоздать их нравственный облик.

Необычен сюжет рассказа А. П. Чехова «Спать хочется» (1888): здесь бессознательным (невольным) убийцей становится тринадцатилетняя девочка Варька — почти ребенок — отданная «в няньки» в богатый дом. Причиной трагедии становится тот душевный надлом, который происходит в неокрепшем детском организме из-за постоянного недосыпания и непосильной работы.

«Хочется спать» — эти слова рефреном проходят через весь рассказ, усиливая впечатление от каторжной жизни маленькой рабыни. «Ребенок плачет... — пишет автор. — А Варьке хочется спать. Глаза ее слипаются, голову тянет вниз, шея болит» [4, с. 7]. На бедную Варьку сыплются подзатыльники, хозяин «больно треплет ее за ухо», а «... Варьке страстно хочется спать» [4, с. 9]. Вот девочка берет ребенка, укладывает в колыбель и начинает качать. «А спать хочется по-прежнему, ужасно хочется! — свидетельствует автор. — Варька кладет голову на край колыбели и качается всем туловищем, чтобы пересилить сон, но глаза все-таки слипаются и голова тяжела» [4, с. 10].

Окрики хозяев на некоторое время как бы пробуждают девочку:

— Варька, затопи печку!

— Варька, поставь самовар!

— Варька, почисть хозяину калоши!
— Варька, помой снаружи лестницу...
— Варька, сбегай купи три бутылки пива!
— Варька, сбегай за водкой!
— Варька, почисть селедку!
— Варька, покачай ребенка! [4, с. 10—11].

И Варька послушно выполняет все приказы: она моет лестницу, убирает комнаты, топит печь, бегаёт в лавку, чистит картошку, прислуживает за обедом, стирает, шьёт и при этом все время хочет спать. «Бывают минуты, — говорит автор от лица своей героини, — когда хочется ни на что не глядя, повалиться на пол и спать» [4, с. 11].

И вот однажды, когда ребенок изнемогает от крика, Варька засыпает. «...Сквозь полусон она не может только никак понять той силы, которая сковывает ее по рукам и по ногам, давит ее и мешает ей жить», — пишет автор. — Она оглядывается, ищет эту силу, чтобы избавиться от нее, но не находит. Наконец, измучившись, она напрягает все свои силы и зрение, глядит вверх на мигающее зеленое пятно и, прислушавшись к крику, находит врага, мешающего ей жить» [4, с. 11—12].

Жуткая мысль озаряет ее «наполовину уснувший мозг»: «враг, мешающий ей жить» — это ребенок и от него нужно избавиться любой ценой. Решение приходит мгновенно: «Убить ребенка, а потом спать, спать, спать» [7, с. 12].

Здесь следует говорить о том, что с точки зрения современного права, в случае, если бы героиня достигла возраста уголовной ответственности — 14-ти лет, суд должен был квалифицировать ее состояние в момент совершения общественно опасного деяния как астенический синдром усталости, который, в свою очередь, и спровоцировал аффект.

О том, что убийство ребенка Варька осуществляет в состоянии аффекта, свидетельствует авторское повествование и особенно его заключительные слова: «Смеясь, подмигивая и грозя зеленому пятну пальцами, Варька подкрадывается к колыбели и наклоняется к ребенку. Задушив его, она быстро ложится на пол, смеется от радости, что ей можно спать, и через минуту спит уже крепко,

как мертвая...» [7, с. 12]. Читатель понимает: пробуждение девочки будет страшным.

Рассказ «Спать хочется» был встречен публикой неоднозначно. Редактор издательства «Посредник» И. И. Горбунов-Посадов посчитал его сюжет «искусственным». С ним не согласился писатель-демократ А. И. Эртель, который писал ему 29-го марта 1891 г.: «С Вашим мнением о рассказике Чехова согласиться не могу. Почему Вы думаете, что убийство ребенка ополоумевшей нянькою вещь искусственная? Это бывает и не редко, а в рассказе, насколько помнится, «преступление» вытекает очень логически из предшествовавшего душевного состояния девочки. Кстати. В сегодняшнем № «Русских ведомостей» я как раз прочитал такой же факт: нянька-подросток обормотила ребенка фосфорными спичками. Можно бы сказать, что в этом ничего нет поучительного... Но так ли?» И, сам же отвечая на поставленный вопрос, А. И. Эртель приходит к глубоко психологическому выводу: «Лишнее напоминание о том, что детей нельзя обременять непосильным трудом, что душа детская — нечто сложное и требующее к себе бережи и внимания — напоминание об этом есть уже поучение» [6].

В рассказе «В суде» (1886) А. П. Чехов предвосхитил знаменитое описание самодержавного суда в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» (1889—1899). В своем рассказе, как и впоследствии Толстой в романе, Чехов изображает суд как бездушную, неумолимую машину, безжалостно ломающую судьбы людей.

Члены суда совершенно безучастны к судьбам подсудимых. Чехов рисует портрет председателя — человека «с сонными, равнодушными глазами». «Товарищ прокурора... — пишет А. П. Чехов, — подперев щеку кулаком, читал байроновского «Каина»... Изредка он откидывался на спинку кресла, минуту безучастно глядел вперед себя и затем опять погружался в чтение. Защитник водил по столу тупым концом карандаша и, склонив голову набок, думал... Его молодое лицо не выражало ничего, кроме неподвижной, холодной скуки...» [4, с. 345].

Подсудимого крестьянина Николая

Харламова обвиняют в убийстве жены, но уже во время суда обнаруживается халатность следователя Корейского, который вел дело: «родной брат не допрошен, староста не допрошен, из описания избы ничего не поймешь», и не выяснено, кому принадлежит топор, которым совершено убийство. И несмотря на то, что предварительное следствие не выполнило своего назначения (вина подозреваемого не доказана, все свидетели показали, что жил Харламов со своей женой хорошо), пощады обвиняемому не будет, т. к. уже пущена в ход эта «невидимая, Бог знает, кем заведенная машинка» самодержавного суда.

И самое возмутительное во всем этом то, что главное для судей — быстрее закончить судебное разбирательство и освободиться от тягостной обязанности. Поэтому, начав в десятом часу утра, уже к двум часам судьи «двоих присудили к арестантским ротам, одного привилегированного лишили прав и приговорили к тюрьме, одного оправдали, одно дело отложили...» [4, с. 344].

В рассказе «Следователь» (1887) необычность ситуации заключается в том, что версию о внезапной смерти молодой женщины выстраивает врач, которому следователь поведал трагическую историю о том, как его молодой женой овладела *idée fixe*: умереть. И умерла она, как и пообещала, сразу после родов, благополучно разрешившись от бремени.

Врач говорит следователю, что для установления истинной причины смерти необходимо вскрыть умершую. «Не от предсказания же своего она умерла. Отравилась, по всей вероятности» [5, с. 188], — прозорливо замечает доктор и, внимательно выслушав до конца эту печальную историю, задает следователю профессиональный вопрос: «А что раньше было: измена мужа или появление идеи о смерти?» [5, с. 189]. Оказалось, что молодая женщина стала говорить о смерти после того, как узнала о неверности супруга. После этого уточнения следователя врач делает профессионально правильный и глубоко психологичный

вывод о том, что налицо все признаки самоубийства. «По всей вероятности, она тогда же решила отравиться, но так как ей, вероятно, вместе с собой не хотелось убивать и ребенка, то она отложила самоубийство до родов» (5, 189), — глубокомысленно констатирует доктор.

В 1900 г. увидела свет повесть А. П. Чехова «В овраге». Действие происходит в глухом, бедном селе Уклеево. В центре авторского внимания богатая семья Цыбукиных. Глава семейства — Григорий Петрович, «епископский мещанин», для вида держит бакалейную лавочку, на самом деле торгует чем придется: «водкой, скотом, кожами, хлебом в зерне, свиньями». Также скупает лес на сруб, дает «деньги в рост» и слывет «стариком оборотливым».

Старший сын Григория Петровича — Анисим Цыбукин — вначале служит в полиции, в сыском отделении, а затем попадает на фальшивомонетничество и идет в каторгу. Младший Степан «был слаб здоровьем и глух». Он помогает отцу «по торговой части». Его жена, красавица Аксинья, хваткая, деловитая, практически держит в своих руках все состояние Цыбукиных. Портрет Аксиньи хорошо передает ее сущность. «У Аксиньи были серые наивные глаза, которые редко мигали, и на лице постоянно играла наивная улыбка, — пишет Чехов. — И в этих немигающих глазах, и в маленькой голове на длинной шее, и в ее стройности было что-то змеиное; зеленая с желтой грудью, с улыбкой, она глядела, как весной из молодой ржи глядит на прохожего гадюка, вытянувшись и подняв голову» [8, с. 155—156].

Но вот в семье Цыбукиных появляется Липа, жена Анисима, красавица, труженица и вообще кроткая душа. Уже без мужа — Анисим арестован — она рождает сына Никифора — «маленького ребеночка, тощенького, жалкенького» и не может на него нарадоваться. Она постоянно играет с ним, беседует, целует его и непрестанно восхищается им.

«Маменька, — говорит она свекрови, — отчего я его так люблю? Отчего я его жалею так? <...> Кто он? Какой он из себя? Легкий, как перышко, как крошечка, а люблю его, люблю, как

настоящего человека. Вот он ничего не может, не говорит, а я все понимаю, чего он своими глазочками желает» [8, с. 167].

Аксинья ненавидит Липу и ее ребенка: она видит в них своих конкурентов, претендентов на цыбукинское наследство. Узнав о том, что Григорий ездил в город к нотариусу, написал завещание и «...что Бутекино, то самое, на котором она жгла кирпич, он завещал внуку Никифору», Аксинья устраивает скандал: «Не желаю я больше служить! ... Замучилась! Как работа, как в лавке сидеть день-деньской, по ночам шмыгать за водкой — так это мне, а как землю дарить — так это каторжанке с ее чертенком! Она тут хозяйка, барыня, а я у ней прислуга! Все отдайте ей, арестантке, пусть подавится, я уйду домой! Найдите себе другую дуру, ироды оканные!» [8, с. 170].

И здесь во всей полноте проявляется хищническая, поистине змеиная сущность натуры Аксиньи, на которую неоднократно указывает автор («...вытягивала шею, как змея из молодой ржи, и улыбалась наивно и загадочно»). Теперь она бранилась на всю улицу, проклинала Цыбукиных, «... потом, разъяренная, она металась по двору около белья (выстиранного и мокрого — Н. П.), срывала все, и то, что было не ее, бросала на землю и топтала» [8, с. 171]. Вбежав в кухню, где Липа стирала белье, Аксинья «схватила ковш с кипятком и плеснула на Никифора» со словами: «Взяла мою землю, так вот же тебе!» [8, с. 172].

Никифора отвезли в земскую больницу, где он скончался. Липа, завернув «покойника в одеяльце», несет его домой. Чехов-художник удивительно тонко передает чувства молодой матери, которая на фоне великолепного пейзажа — тихой звездной ночи — еще сильнее ощущает свое горе и свое одиночество. «На небе светил серебряный полумесяц, было много звезд, — пишет автор. — Липа не помнила, как долго она сидела у пруда, но когда встала и пошла, то в поселке все уже спали и не было ни одного огня <...> Липа шла быстро, потеряла с головы платок... Она глядела на небо и думала о том, где теперь душа ее мальчика: идет ли следом за ней или носится там вверху, около звезд, и уже не думает о

своей матери? О как одиноко в поле ночью, среди этого пения, когда сам не можешь петь, среди непрерывных криков радости, когда сам не можешь радоваться, когда с неба смотрит месяц, тоже одинокий, которому все равно — весна теперь или зима, живы люди или мертвы... Когда на душе горе, то тяжело без людей» [8, с. 173].

Старик-путник, которому Липа поведала о своем горе («Мой сыночек весь день мучился... Глядит своими глазочками и молчит, и хочет сказать и не может. Господи батюшка, царица небесная! Я с горя так все и падала на пол» [8, с. 175] пытается успокоить молодую женщину и настроить ее на философский лад. «Ничего... — повторил он. — Твое горе с полгоря. Жизнь долгая — будет еще и хорошего, и дурного, всего будет. Велика матушка Россия! <...> Я во всей России был и все в ней видел, и ты моему слову верь, милая. Будет и хорошее, будет и дурное» [8, с. 175].

Казалось бы, повесть «В овраге» должна была бы иметь другое логическое завершение. Хищница Аксинья должна понести наказание за свое преступление. Однако этого не происходит. Изгнав Липу из дома Цыбукиных, Аксинья окончательно упрочивает в нем свою власть. Торговля ее процветает, кирпичный завод работает хорошо. Аксинью боятся все и дома, и на заводе, и в селе. Никто не смеет напомнить ей о ее злодействе, а наоборот, все выказывают всеобщее почтение и величают теперь уважительно Ксенией Абрамовной.

«Село Уклеево лежало в овраге [8, с. 144], — пишет автор. И характеризует этот овраг: «в нем не переводилась лихорадка», «была топкая грязь», «здесь всегда пахло фабричными отбросами и уксусной кислотой» [8, с. 144]. Однако трагедия заключается в том, что вся жизнь в селе Уклеево напоминает собой страшный «удушливый овраг», в котором нет места живым людям с восприимчивой душой, таким, как Липа. Поэтому и убийство ребенка — всего лишь эпизод — случайный и малозначительный, о котором все очень быстро забывают.

Повесть получила самые восторженные отзывы читателей. Так, И. И. Горбунов-Посадов

писал А. П. Чехову: « С глубоко любовным чувством к Вам читал и Ваше «В овраге». Я в первый раз ближе, больше, сильнее почувствовал не талант только Ваш, а сердце Ваше, любовь к человеку <...> ко всему страдающему и ко всему умирающему душой в этой жизни <...>. А про мастерство — что уж говорить! — Эта ночь, когда она (Липа — Н.П.) идет с ребенком, костер, этот старик, — я мало в жизни читал такого художества!» [7].

Свои искренние чувства выразил в своем письме Чехову от 24 ноября 1900 г. А. Ф. Кони: «Нужно ли говорить Вам, что я читал и перечитывал «В овраге» с восхищением? Мне кажется, что это лучше всего, что Вы написали, что это — одно из глубочайших произведений русской литературы. Как бы хотелось мне когда-нибудь повидаться с Вами на свободе, вдали от суеты — и наговориться «всласть»...» [8]. И вообще А. Ф. Кони высоко оценивал творчество А. П. Чехова. «У Чехова, — писал он, — обилие сюжетов, почерпнутых из жизни в самых разнообразных ее проявлениях, как о том свидетельствует его записная книжка, соединялось с тонкой наблюдательностью, умеющую из подмеченных черт отдельных лиц создавать полные жизни целостные образы, причем глубокая вдумчивость и чувство меры идут у него рука об руку...» [9].

Когда-то в своей биографии А. П. Чехов писал: «Не сомневаюсь, занятия медицинскими науками имели серьезное влияние на мою литературную деятельность; они значительно раздвинули область моих наблюдений, обогатили меня знаниями, истинную цену которых для меня как для писателя может понять только тот, кто сам врач; они имели также направляющее влияние, и, вероятно, благодаря близости к медицине мне удалось избежать многих ошибок. Знакомство с естественными науками, научным методом всегда держало меня настороже, и я старался, где было возможно, соотноситься с научными данными, а где невозможно — предпочитал не писать вовсе.

Замечу кстати, что условия художественного творчества не всегда допускают полное

согласие с научными данными; нельзя изобразить на сцене смерть от яда так, как происходит на самом деле. Но согласие с научными данными должно чувствоваться и в этой условности, то есть нужно, чтобы для читателя или зрителя было ясно, что это только условность и что он имеет дело со сведущим писателем» [10].

Действительно, какой бы темы (медицина, российское судопроизводство, религия) ни касался писатель в своих произведениях, все они в равной мере обнаруживают его компетентность, добросовестное отношение к делу и высокое чувство ответственности перед читателем.

Так, например, в рассказе «Бабы» (1891) автор повествует о трагедии, произошедшей в семье молодоженов Каплунцевых: главе семейства Васе «забрили лоб и погнали в Царство Польское», а жена его Машенька, уже после отъезда мужа родившая сына Кузьку, полюбила соседа Матвея Саввича — человека с душой Иудушки Головлева. Он ответил ей взаимностью, и, по его словам, стали они «жить, как муж и жена» [4, с. 344]. После возвращения Васи в семье разыгралась страшная житейская драма.

По своему сюжету «Бабы» — это «рассказ в рассказе», где повествование ведется от лица Матвея Саввича, который считает себя праведником, имеющим право на осуждение. «... Только Вася из двора, — рассказывает он, — как пришла Машенька. Чистое наказание! Вешается на шею, плачет и молит: «Ради бога не бросай, жить без тебя не могу» ... Я на нее закричал, ногами затопал, выволок ее в сени и дверь на крючок запер. Иди, кричу, к мужу! Не срами меня перед людьми, Бога побойся! И каждый день такая история» [4, с. 346].

Однажды рассерженный Матвей Саввич бьет Машеньку, не внемлющую его «внушениям» и «наставлениям», уздечкой. Появившийся в это время во дворе Вася вначале «кричит отчаянным голосом: «Не бей! Не бей! [4, с. 347], а потом сам начинает избивать Машеньку

кулаками и ногами.

О развязке драмы тем же смиренным, праведническим тоном сообщает ее участник, ханжа и лицемер Матвей Саввич: «На другой день Вася заболел, вроде как бы холерой, и к вечеру, слышу, помер. Похоронили... И вскорости пошли по мещанству разговоры, что Вася помер не своей смертью, что извела его Машенька. Дошло до начальства. Васю вырыли, распотрошили и нашли у него в животе мышьяк. Дело было ясное как пить дать; пришла полиция и забрала Машеньку, а с ней и Кузьму — бессребреника. Посадили в острог. Допрыгалась баба, наказал Бог... [4, с. 347].

Антон Павлович Чехов хорошо знал о том, что убийства такого рода были очень распространенным явлением в России XIX в.

Писатель С. Т. Семенов вспоминал, как вместе с Антоном Павловичем в Ясной Поляне он слушал чтение отдельных глав романа Л. Н. Толстого «Воскресение» и как однажды Чехов заметил: «Очень верно и то, что купца (Смелькова — героя романа «Воскресение» — Н. П.) отравили, а не иным способом прикончили с ним» [11]. Антон Павлович знал это по Сахалину, где «большинство женщин-каторжанок сосланы именно за отравление».

Об этом же писал С. В. Максимов в своей книге «Сибирь и каторга», с которой Чехов знакомился перед отъездом на Сахалин: «... У женщин замечается даже особенная склонность к убийству мужей. При этом жены большею частью прибегают к помощи ядов» [12]. Чехову-врачу также было известно о том, что симптомы холеры и симптомы отравления мышьяком очень схожи. Таким образом, художественная картина смерти героя, созданная писателем в рассказе, не противоречит ни жизненной правде, ни научным данным.

Рассказ «Убийство» впервые был опубликован в журнале «Русская мысль» (№ 11) в 1895 г. В записных книжках А. П. Чехова мы находим целый ряд «заготовок» к рассказу: «Брат еретик от скуки рассматривает дома

изразцы на печке»; «... Терехов служит у себя дома (триодь постная, триодь цветная, кафизмы), в церковь перестал ездить, потому что поп пьяница и играет в карты. Терехов № 2 (изразцы) доказывает ему, а la Паисий, что надо жить обыкновенно. Он роздал свои деньги бедным, и за это его ненавидит сестра»; «Дашутка на следствии показала, что тетенька всегда с дяденькой из-за меня ругались»; «После того, как убили, потушили лампадки; утром не молились. Положили убитого брата в винной лавке, сказали, что его убил недобрый человек. Но до этого возили его за линию, хотели в снегу закопать...» и др. [3, т. 17, с. 31—32]. И так на протяжении нескольких страниц записной книжки Антон Павлович обозначает «вехи» рассказа «Убийство».

Известно, что тема этого произведения навеяна автору сахалинскими впечатлениями. Создавая рассказ, Антон Павлович, несомненно, вспомнил арестанта-рецидивиста Терехова из Дуйской тюрьмы, страшного человека с «мутными оловянными глазами и большим, наполовину бритым, угловатым черепом». Фамилия очеркового героя теперь «перекочевала» к целому семейству в рассказе «Убийство». Есть здесь и зарисовка угольных копей в Дуйском порту. Однако характеры Тереховых — очеркового и беллетристического (Яков Иванович) — не имеют даже малейшего сходства.

Терехов — герой книги «Остров Сахалин» — «убил на своем веку 60 человек», да и здесь, в тюрьме, он убивает и грабит своих сотоварищей по острогу, не обнаруживая при этом малейшего раскаяния. Одним словом, он — «закоренелый» злодей, преступник по убеждению.

Иное дело — Яков Иванович Терехов. Писатель в целом положительно характеризует героя: он — заботливый отец, хороший хозяин. Внешне — это «очень красивый старик, высокого роста, с широкою седой бородой», который «старался одеваться чисто и прилично» [7, с. 144]. Был он очень богомолен, хотя не ходил

в церковь, «... потому, что, по его мнению, в церкви не точно исполняли устав, и потому, что священники пили вино в непоказанное время и курили табак» [7, с. 144]. Также в церкви, «... в Веденяпине в заутрени вовсе не читали канона и вечерни не служили даже в большие праздники, он же у себя дома прочитывал все, что полагалось на каждый день, не пропуская ни одной строки и не торопясь, а в свободное время читал вслух жития. И в обыденной жизни он строго держался устава...» [7, с. 144]. Завершая характеристику героя, автор подчеркивает, что «... сознание этого порядка и его важности доставляло Якову Ивановичу во время молитвы большое удовольствие» [7, с. 144], и «... когда ему по необходимости приходилось нарушать этот порядок, ... то его мучила совесть и он чувствовал себя несчастным» [7, с. 144—145].

И вдруг в этот однажды заведенный порядок вторгается брат Матвей, «приехавший неожиданно из завода и поселившийся в трактире, как дома». Деньги свои Матвей отдал не бедным (как это изначально мыслилось автору), а «душеньке», с которой прижил ребенка во время работы на заводе, и этого не может простить ему сестра Аглая.

Матвей не хотел молиться, соблюдать пост по средам и пятницам. Во время молитвы брата и сестры он входил в молельную и говорил: «Братец, ваша молитва не угодна Богу. Потому что сказано: прежде смиришь с братом твоим, и тогда пришед принеси дар твой...» [7, с. 145].

И хотя в словах Матвея о любви к ближнему «...Яков видел лишь обычную отговорку пустых и нерадивых людей», которые не хотят ни молиться, ни «постить», ни читать святых книг, эти слова все равно волновали его, уводили от молитвы, заставляли думать о том, что действительно богатому трудно войти в царство небесное...» [7, с. 145].

Матвей вызывает у него раздражение, так как напоминает ему о его грехах. Однако на них более конкретно автор указывает в подготовительных материалах к рассказу:

«Терехова 1-го все не любили; относились к его вере и к нему несерьезно, радуясь, что он пьет водку, что он скуп и проч.» [3, т. 17, с. 37].

«Вы же деньги в рост даете, водочкой торгуете» [7, с. 145] говорит брату Матвей и призывает его покаяться. Это вызывает у Якова беспокойство, он начинает вспоминать все, что было в его жизни не так: «... в третьем году он купил очень выгодно краденую лошадь, ... еще при покойнице жене однажды какой-то пьяница умер у него в трактире от водки...» [7, с. 145]. Постепенно раздражение переходит в гнев, а гнев рождает в душе Якова ненависть к брату.

Чехов-психолог прослеживает путь человека к преступлению: раздражение — гнев, не укрощаемый хозяином, затем отказ от молитвы и наконец — убийство. И только теперь, на каторге, где его звали не Яковом Ивановичем, а просто Яшкой или Веником за длинную бороду, пройдя через страдания (за побег «дали ему сорок плетей», «два раза наказывали розгами»), истосковавшись по родине, Яков Терехов начинает опять «возноситься к Богу и ему казалось, что он, наконец, узнал настоящую веру, ту самую, которой так жаждал и так искал и не находил весь его род...» [7, с. 160].

И здесь следует говорить о том, что очерковый образ (т. е. реальный, взятый из жизни) Терехова, ни в чем не пересекаясь с литературным образом, послужил для писателя толчком к созданию замечательного произведения — рассказа «Убийство», где автору удалось проследить падения и взлеты человеческой души.

Рассказ «Убийство» обнаруживает знание Чеховым и специфики следственных действий: осмотр места происшествия и освидетельствование трупа показали, что убийство Матвея произошло не на дороге, где был найден труп, а в другом месте. Следователь-профессионал сразу определил это, так как около трупа, «на дороге на снегу не нашли ни одной капли крови, в то время как голова у него была проломлена и лицо и грудь

были черны от крови» [7, с. 156—157], а шапка убитого почему-то оказалась дома.

Богатый жизненный опыт А. П. Чехова, его талант писателя помогли ему создать произведения, ставшие достоянием мировой литературы; быть правдивым и точным в описании многих жизненных явлений, нередко касающихся отдельных специальных отраслей знания.

...Умер Антон Павлович Чехов 15 июля 1904 г. в немецком городке Баденвейлере. «...По мере роста его славы, как выдающегося и любимого писателя, уменьшались его силы и подступала смерть, — с болью писал Анатолий Федорович Кони. — Она пришла к нему в далеком Баденвейлере, во время страстных порывов вернуться в Россию, куда его постоянно тянуло. Судьба с обычной жестокостью относительно выдающихся русских людей не дала ему увидеть родину, за которую и о которой он столько болел душой, и равнодушно приютила в недрах чужой земли его горячее русское сердце» [13].

Список библиографических ссылок

1. Маслов А. Третья профессия Антоши Чехонте // Милиция. 1993. № 1. С. 39.
2. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М., 1983—1987 гг. Т. 5. С. 339.
3. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма. Т. 2. С. 108.
4. Бердников Г. П. Чехов. ЖЗЛ. М., 1974. С. 94.
5. Гросс Ханс. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. СПб., 1908. С. 26—27.
6. Цит. по: Примечания к рассказу «Спать хочется» // А. П. Чехов. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Т. 7. С. 625.
7. Цит. по: Примечания к рассказу «В овраге» // А. П. Чехов. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Т. 10. С. 442.
8. Кони А. Ф. — Чехову // Переписка А. П. Чехова: в 3-х т. М., 1996. Т. 2. С. 190.
9. Кони А. Ф. Воспоминания о русских писателях. М., 1989. С. 472.
10. Россолимо Г. И. Воспоминания о Чехове // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М., 1986. С. 431.
11. Семенов С. Т. О встречах с Чеховым // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. С. 273.
12. Максимов С. В. Сибирь и каторга: в 3 ч. СПб., 1871. Ч. 2. С. 66.
13. Кони А. Ф. Воспоминания о русских писателях. С. 470.